

Жить нужно там, где трава зеленая

Пусть он курит "Мальборо" и ездит на "фольксвагене", все равно это восточный человек. Офис бекмамбетовской компании "Базелевс" в двух шагах от "Мосфильма" — типичный двор какого-то бухарского эмира. С узкими переходами, где можно заблудиться, с чайханой в изразцах и огромной верандой, на которой жарят шашлык и снимают кино. В начальственном кабинете — вечная полутьма и тахта под расшитым покрывалом. В компьютере ясно видно, что накануне премьеры персональный сайт фильма "Ночной дозор", снятого Беком (такая у него кличка), вышел на первое место в топ-сотне Рунета. Это уникальный случай. Вероятно, в ближайшее время все мы будем поделены на "светлых" и "темных", о которых фильм повествует, и дети во дворах будут играть вместо "казаков-разбойников" в "дозорных из Горьсвета". Чтобы объединить взрослых с детьми, новоявленному Тимуру нужно было целых сорок лет идти с Востока на Запад через Советскую власть, а после сорока обрести наивную веру, что Москва лучше, чем Голливуд (в 2000-м Бекмамбетов пригласил поработать в США лично Роджер Корман, король B-movie), профессия лучше, чем должность, и хитрость важнее свободы.

— Сами вы кто, "темный" или "светлый"?

— Я светлый. Комплексов много.

— Вы читали "Ночной дозор" до того, как вам предложили экранизацию?

— Нет.

— Нас, реально живущих, тьма в ближайшее время не поглотит?

— Пока есть те, кто верит в свет, по идее, не должна. Здесь огромные человеческие ресурсы. Мне кажется, в России — больше, чем где бы то ни было. Люди пока в неведении, потому и честнее, яснее, проще — ну чем на Западе, где вроде больше свободы. У нас комплексов больше, светлых больше.

— Выражением какого комплекса стало соединение в одном фильме старых, советских кинозвезд, и новых, постсоветских?

— Это было принципиально: попробовать столкнуть советское кино, которое по телевизору все смотрят до сих пор, любимого Меньшова с его "Москвой слезам не верит", и современные ритмы, которые всем известны по американским фильмам. То и другое у нас всегда по отдельности, а сегодняшняя аудитория требует, чтобы все наконец смешалось. И старые звезды привнесли достоверность. Им все поверят.

— Вы, когда работали, ориентировались на "Властелина колец"?

— Язык "Властелина колец" — это язык рекламной кампании банка "Империал". Так что я в основном на себя ориентировался.

— Ваш вояж в Америку закончен? Вы окончательно в Москве обосновались?

— Да я и не жил в Америке — так, в командировках бывал, когда работал с Корманом.

— Как вас воспринимают в Голливуде?

— Как сумасшедшего. "Ночной дозор" для них — овердрайв, передозировка. Язык понятен, темп устраивает, а вот степень драматизма: серьезности совершенно непривычна.

— С Роджером Корманом вы еще будете работать?

— Наверное, нет. Я хочу оставить его в памяти как "светлого". На самом деле он — жесткий, "акула", обмануть может, но пока в наших отношениях еще есть романтизм, баланс. Вот пусть и остается. Таких людей я, наверное, в жизни больше не встречу. У него удивительно детское отношение к кино — смесь эгоизма и наивности. Нас познакомил Сергей Ливнев, и Корман с железной логикой сразу после фурора, произведенного "Гладиатором", предложил мне снять "Гладиатрикс" — тоже про Древний Рим, но все в России и на крошечные деньги. Он всегда так работает — ищет новичков, которые чего-то еще хотят. Говорят, фильм в Америке прошел очень успешно.

— Однажды на вопрос "как вы сформировались?" вы ответили: "Мне это объяснила бабушка". Что "это" она вам объяснила?

— Бабушка была несколько не в своем уме, со склерозом, но воспитывала меня она, потому что родители были серьезные, вечно занятые люди. Отец — главный энергетик Западного Казахстана, мать заведовала в газете отделом партийного строительства. Бабушке было 83 года, она все время грозила повесть меня завтра на концерт Шаляпина, который будет "здесь рядом" выступать. В провинциальном городе Гурьеве. Но при этом она же мне и повторяла: "Будешь большим человеком, творцом, — будешь творить". Она, правда, путала меня со своим братом, погибшим во время войны на территории Белоруссии, как и вся еврейская часть семьи, но факт: она все это говорила, когда мне было десять лет. И я поверил. То есть я больше никогда не сомневался, чем надо заниматься. Для режиссера это очень важно.

— Но ведь сначала вы рисовали, Художественный институт окон-

чили в Ташкенте?

— Просто муж моей старшей сестры — живописец. Я рос в этой среде, она меня воспитала. Ну как тут было иначе...

— Почему выбрали Ташкент?

— Так меня из Москвы выслали перед Олимпиадой. После школы я сначала поступил по отцовской навводке в МЭИ. Параллельно связался с компанией тогдашних московских диссидентствующих художников — ну, знаете, компания Зверева, Оскара Рабина. Они тогда все уезжали через Вену в Париж. А перед Олимпиадой всех неблагонадежных выслали, вычищали столицу. Меня вычистили, и я рванул куда подальше.

— Как же потом все-таки стали режиссером?

— Окончил институт по специальности "художник театра и кино", отслужил в армии в Ашхабаде артиллеристом, поработал в театре "Ильхом", потом попали мы с друзьями на один смешной кинопроект студии "Узбекфильм" — даже не помню, как фильм назывался, — и вдруг поняли, что режиссера там на самом деле нет. Просто нет для нас режиссера. Вот и начали делать свое кино. Наша компания до сих пор сохранилась. Дима Юрков, он сейчас продюсер студии "Даго", Саша Войтинский — композитор, Сергей Трофимов — оператор. Он как раз снимал "Ночной дозор".

— И как вы тогда прорвались?

— Открылись первые банки, в одном был чей-то одноклассник, который сказал: "Можете нам рекламу снять?" А это 89-й год — вообще еще не было рекламных роликов... Но мы сделали ролик "Кредит-Москва", потом другой, третий, призы стали завоевывать. И почувствовали: вот кино, и оно получается, актеры ходят, свет стоит — все по-настоящему.

— Когда для вас начался большой кинематограф?

— В 91-м году вместе с другим товарищем, Геннадием Каюмовым, я снял "Пешаварский валс". Это он потянул: очень активный человек. Он занимался поиском денег, нашел их у каких-то афганцев, потом мы поехали в Ташкент, в дороге все переругались, но фильм все-таки сделали. В 94-м он получил призы на "Кинотавре" и в Карловых Варах.

— Фильм тяжелый, жестокий, про афганскую войну. Он совершенно не похож на то, что вы снимаете сейчас...

— Я выступал там в качестве киношного профессионала, консультанта по стилю, по форме. Но, глядя "Ночной дозор", увидел в нем сейчас следы той эстетики. Это как бы такое же "повествование взахлеб", определенный переизбыток эмоций рассказчика. А все социальные идеи тогда шли от фены.

— Вы больше не собираетесь снимать социальное кино — про ту реальность, в которой мы живем?

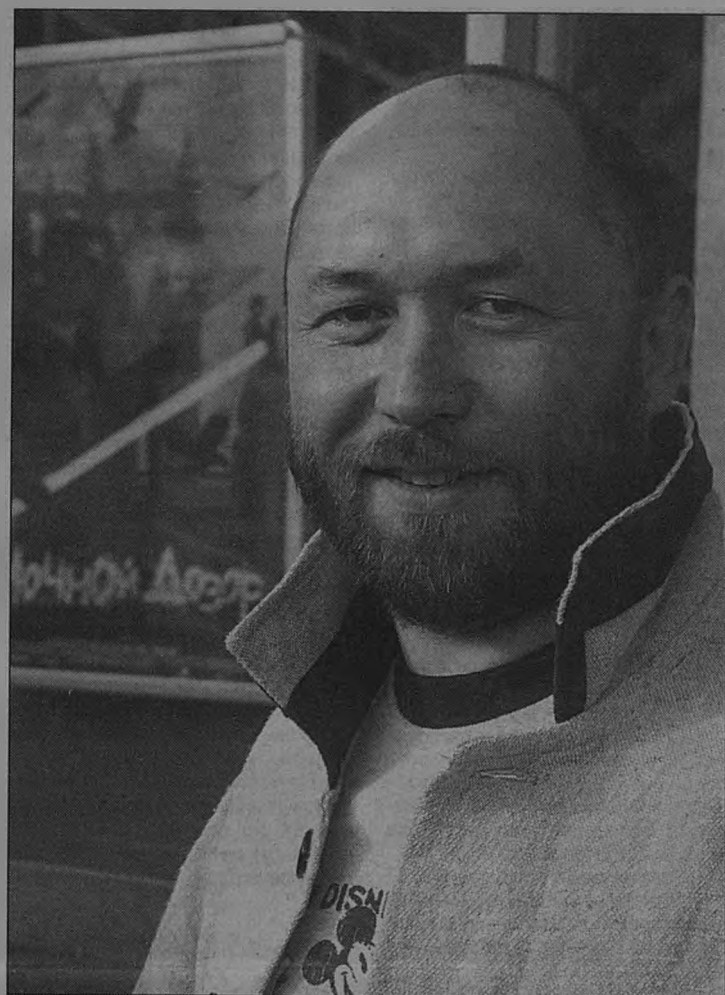
— Да я пытался это сделать в "Ночном дозоре", вот только фильму тяжело угнаться за газетной публицистикой. Либо надо предугадывать, предсказывать. Но я согласен, что живого, интересного кино у нас не будет, пока киношники не поймут, что происходит сейчас, как здесь и сейчас рассказать простую историю. У нас все волнами. Была волна ослабления государственных устоев — 1861 год, а в 1881-м Александра II убили, и Александр III начал усиливать свою власть. В 1917-м опять слабость, в 37-м — сами понимаете. Ну вот, в 1985 году настала полная свобода. Теперь предстоит 2005-й...

— Вы мистик по натуре?

— На всякий случай все приметы отслеживаю. Не готов, как некоторые, говорить об этом часами, но все не просто так, случайно. Я — фаталист.

— Вы долго шли от первого ролика до своей знаменитой серии для банка "Империал"?

— В 92-м году, еще никому не известные, мы на Втором московском

Т. Бекмамбетов

фестивале рекламы получили Гран-при. Подошел Михаил Лесин — тогда он был просто "Миша" — и сказал, мол, "вы круто это сделали", давайте, у нас тут есть интересный проект. Он руководил тогда "Видео Интернешнл". Для меня эта история — до сих пор загадка. Лучше спросить у самого банка, чего это он давал "Видео Интернешнл" такие деньги, чтобы снимали.

Это было свободное самовыражение, банком руководил Сергей Родионов, у него была очень любопытная форма оценки наших усилий. "Хочется плакать" или "не хочется плакать". Все. Даже если история нетрагическая. Но Лесин, и Родионов, и многие другие — это мое поколение, мы ровесники, потому ничего не надо было долго объяснять.

— Полагаете до конца своих дней делать кино?

— Ну говорят же, что режиссеры после автогонщиков — самая смертоубийственная профессия. Мы раньше всех по статистике умираем.

— Вы все время ногой по столу стучите — нервничаете, что ли?

— Нет, это я постоянно опаздываю, не успеваю себя организовать. Ложусь поздно, встаю рано. Уже много лет я вскакиваю от ощущения, что забыл что-то сделать.

— По всем исходным данным вы кажетесь абсолютным удачником. За что бы ни брались, все у вас получается. Что за этим стоит?

— У меня довольно большая казахская часть семьи, а каждый казах обязан знать семь колен своих предков. Однажды, давным-давно, пролетая через Гурьев, я позвонил своему родственнику, он приехал в аэропорт, и мы долго сидели ночью, ждали самолета. Он пил водку и рассказывал. Я в лучшем случае знал два предыдущих поколения, и то не полностью, страшно замучился, и тогда он начал рисовать. Нарисовал огромную родословную простыню со значками какими-то, велел мне все выучить наизусть, тут вдруг объявили посадку, я сунул бумагу в карман и улетел в Москву. Прилетел и как раз оказался в Библиотеке Ленина — по поводу одного проекта с французами с Аральским морем. Мне нужно было собрать материалы по морю, по Каракалпакии, и неожиданно в одной книге XIX века издания я наткнулся на генеалогическое древо кайсака кыргызов, каракалпаков... Ну что-то типа того. В этой книге роды все шли где-то с X века, и тоже стояли какие-то значки, у каждого рода — свой, а один был особенно знаковый. Я полез в карман — а на мне были те самые джинсы, что в аэропорту, — и нашел эту бумагу с семьей коленами. Обнаружилась удивительная вещь. У меня наш значок начинался как раз с того места, на котором в книге все кончалось. То есть все сошлось, и получилось так, что вот я сейчас здесь, а рядом есть четко видные какие-то люди из X века, которые меня, собственно, и устроили. И тут отпали все вопросы, ничего даже объяснять не надо. Свобода, необходимость, цель, удача, успех — все это не работает, когда ты наглядно видишь, насколько все не просто так.

— Ну, знаете ли, генеалогия есть у многих, а побеждают не все...

— Что касается конкретного везения — тот же пьяный человек ночью в аэропорту назвал мне старый девиз нашего рода. Он звучит следующим образом: "Жить нужно там, где трава зеленая".

— Можете рассказать о самом крупном поражении в своей жизни?

— Испытывать ощущение поражения мне несвойственно. Я даже не представляю, как это. Не помню, чтобы когда-нибудь так уж сильно переживал. Наверное, это от безответственности и легкомыслия.

— Что будете делать дальше?

— Выпускать "Ночной дозор-2", есть уже сценарий триквела. Но если возникнут какие-то другие дела, я их делаю. На рекламный ролик уходит примерно месяц, но сейчас я снимаю мало, что, между прочим, очень плохо для компании. Все живут только за счет рекламы. Фильм — это всегда подарок.

— Вы на дружеской ноге со всеми там начальниками, банкирами, олигархами?

— Ну, да. Когда начинался их бизнес и наша реклама, они все были мои ровесники, мы их раскручивали и были им нужны. Я знаком с Фридманом, Лусинским. С Ходорковским не знаком, но в 91-м году мы делали ролик "Менатеп".

— Что это за люди? Какие они?

— Без тормозов. Десять лет назад было время абсолютной свободы, и вот они абсолютно внутренне свободны. У них заведомо не было никаких внутренних ограничений, в 90-е годы все эти люди максимально полно реализовывали себя. В какой-то момент им просто крышу снесло, но они много натворили — плохого, хорошего. Главное — много.

— Вам легко с ними общаться?

— Нет особенной темы для разговоров, общих интересов. Ну только если надо кино снимать. Но на "Первом канале" я работаю с профессионалами, а олигархи — это всегда причуда, амбиция.

— С кем вам сегодня интересно разговаривать?

— С молодыми людьми. Вдруг понимаешь, что ты отстал, но непонятно — где. У них очень быстро все меняется, они яснее, проще и добрее нас. Все-таки десять лет свободы стали для них очень хорошим воспитанием. Они цельные, с принципами, которых у нас нет. У нас было протестное воспитание, а у них все очень позитивно. Они ненавидят ложь, не принимают ее ни в каком виде, очень целеустремленные и работоспособные. Всех, кроме них, вообще надо выгонять. Это очень заметно по бизнесу. Люди с опытом не нужны, потому что их опыт — негативный, а молодежь встраивается моментально. Нет у нее никаких тараканов, страхов, постоянной боязни, что тебя подставят. Поколение будет просто гениальное, если сейчас его никак не сломают. Я очень на них надеюсь — все-таки хочется с кем-то посоревноваться.

Беседу вел
Екатерина ТАРХАНОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ